

ВМЕСТО ПРОЛОГА

— Может, борщик съешь?

— Не-а.

— Супчик? Курочку? Котлетку?

Я без особой надежды перечисляла первые и вторые блюда, представленные в меню. Оно было богатым и вполне соответствовало европейским требованиям к системе питания «шведский стол», однако запросы моего ребенка были то ли несравненно шире, то ли гораздо скромнее общепринятых — как посмотреть. Кто как, а Масыня к четвертому дню пребывания в отеле не нашел для себя и десяти подходящих блюд. С многочисленными оговорками к употреблению в пищу им были допущены макароны, гречневая каша, докторская колбаса, чай, печенье, сухие баранки и «Бородинский». Белый хлеб почему-то тоже впал в немилость.

На хлебе я и не настаивала, но включить в рацион молодого растущего организма белковую пищу казалось мне крайне важным.

— Бульон с фрикадельками?

— Ни-ко-гда!

Я стиснула черенок ложки, но левой рукой в последний момент перехватила запястье правой: позыв треснуть потомка по лбу был невероятно силен! Я списала это на генетическую память: мамоч-

ка рассказывала, что ее деревенский дедушка имел обыкновение в процессе трапезы осуществлять адресное педагогическое воздействие на умы шалящих детей и внуков как раз деревянной ложкой. Кажется, это было очень эффективно.

В душе я уже склонна была оценивать дедовский опыт как безусловно положительный, однако в данном конкретном случае мне очень хотелось прийти к консенсусу путем мирных переговоров. Главным образом, потому, что своенравный сынуля мог принять мои манипуляции с ложкой за новую игру и развить ее по своему разумению. А мне не хотелось предстать перед почтенной публикой с тарелкой на голове.

— Может, ты будешь омлет?

— Нет! — Масяня ответил в рифму и засмеялся от удовольствия.

— Убил бы Чуковского! — злобно сказал Колян.

Он мрачно вкушал яства, большой разноцветной горой наваленные на его тарелку. Масины диетические закидоны здорово портили папочке удовольствие от обильной трапезы. На протяжении всего обеда Колян сердито краснел под взглядами людей, которые с недоумением и укоризной взирали на вопиющую дисгармонию в продовольственных наборах отца и сына. Масяня, сусликом стоя у стола — присаживаться он отказывался из опасения быть накормленным насильно, — скромно и невозмутимо грыз сухое печенье.

— Поздно, Чуковский давно уже умер, — ответила я мужу и с сожалением вздохнула.

Я бы сейчас тоже с большим удовольствием кого-нибудь убила — не обязательно Чуковского.

— А кто распоряжается его творческим наследием, не знаешь? — настойчиво спросил Колян.

Похоже было, что к Корнею Ивановичу у него что-то личное.

— Потомки, наверное, или какой-нибудь фонд. А что?

Колян отложил вилку, вытащил из кармана ручку и ожесточенно зачеркал ею на полях богато иллюстрированной книжки про Бармалея.

— А то, что я считаю необходимым добиться внесения изменений в текст данного произведения! — объявил муж и с выражением зачитал не приглянувшиеся ему строки:

— «Милый, милый людоед, смилуйся над нами! Мы дадим тебе конфет, чаю с сухарями!» Как тебе это? Когда такое пишет автор, которого считают лучшим детским писателем, это уже не шуточки! Это настоящая провокация!

— Прямое подстрекательство к продовольственному бунту! — согласилась я.

— Хочу чаю, — покончив со своим дежурным сухарем, заявил Мася.

Я застонала, не сомневаясь, что следующим пунктом в меню моего ребенка будут конфеты. Зачем я читала ему Чуковского? Где были мои глаза?

«Где были твои ложки?» — мрачно поправил внутренний голос ворчливым стариковским басом.

— Предлагаю переписать Чуковского следующим образом, — деловито сказал Колян. — Сюжет произведения и ритм стиха не пострадают, а воспитательный посыл только выиграет. Вместо «мы да-

дим тебе конфет, чаю с сухарями» впредь читаем «мы дадим тебе котлет, супу с сухарями!». А? Как тебе?

— Гораздо лучше! — согласилась я без большого воодушевления. — Только, боюсь, «Бармалеем» дело не ограничится. У того же Чуковского в другом стихотворном хите слон на вопрос: «Что вам надо?» — безответственно отвечает: «Шоколада»!

Колян задумался, с видимым трудом подыскивая гастрономически верную рифму.

— А как быть, например, с Мальчишом-Плохишом, который просил в награду ящик печенья и бочку варенья? — продолжала я. — Чем их заменить для пушей питательной пользы и без ущерба для стиха? Бочкой борща и ящиком сухого леща? А Красной Шапочке дать корзинку с паровыми котлетками?

— И нормально будет, не подавятся! — заупрямился муж.

Чувствовалось, что прогрессивную идею гастрономической цензуры в детской литературе он выносил в муках и теперь так просто от нее не откажется.

— А писатели не облезут, если их чуточку поправят, впредь не будут словами разбрасываться! Пусть на русские народные сказки равняются, там диетология вполне грамотная: молочные реки в кисельных берегах, репка, куриное яйцо, золотая рыбка...

— И Маша с медведями у Толстого не чипсы, а похлебку ели, — вспомнила я. — И сорока-ворона кашу варила, деток кормила! И солдат из топора суп делал, а не чупа-чупс на палочке!

— Где чупа-чупс на палочке? — оживился Ма-сяня.

Я очнулась:

— Нигде. В запретительной части законопроекта «О детской литературе, подлежащей одобрению Институтом питания Российской академии медицинских наук»!

— Можем набросать письмо в Госдуму сразу после обеда и за ужином собрать подписи граждан! — деловито предложил Колян.

Я отвратила взор, затуманенный слезами бессилия, от шведского стола и оглядела просторный обеденный зал. Локальные конфликты вроде нашего происходили за каждым третьим столом. Большая часть родителей, прибывших на отдых с маленькими детьми, тщетно доказывала своим неразумным чадам преимущества супа и котлет перед чаем и конфетами. Метрах в пяти от нас пацан лет четырех мычал и раскачивался на стуле, как стихотворный бычок Агнии Барто, ловко уклоняясь от ложки с супом. А буквально рядом с нами, за соседним столиком, девчонка Масиново возраста скандировала со страстностью итальянского революционера Гарибальди:

— Ма-ка-ро-ны! Ма-ка-ро-ны!

Мамаша маленькой бунтарки устало обмахивалась салфеткой. Судя по количеству нетронутых тарелочек с едой, у соседей битва при шведском столе имела затяжной позиционный характер.

Мася, уже выигравший свою очередную войну со шведами, наблюдал за единомышленницей с улыбкой превосходства.

— Послушайте! — сочувственно улыбнулась я

измученной маме маленькой фанатки макаронных изделий. — Вступайте в наши ряды! У нас тут формируется что-то вроде клуба родителей мелких приверед. Меня Леной зовут, а это мой муж, Николай. И сын тоже Николай, хотя мы чаще зовем его Масыней.

— Я Аня, — сказала соседка. — А этот монстрик — Танька. Ума не приложу, что с ней делать!

— Давайте думать вместе! — предложил Колян.

Так сформировался центральный комитет неформальной организации родителей «Неедяка», что впоследствии принесло определенную пользу обществу в целом и множество проблем лично мне.

ДВА МЕСЯЦА СПУСТЯ СУББОТА

— Здесь направо, потом до конца квартала прямо, а потом через проспект и налево, — объясняла я дорогу, для пущей понятности изображая повороты жестами.

Мы с Анной на ее машине ехали к моему знакомому художнику Ивану Лобанову. Ванька согласился недорого проиллюстрировать своими рисунками наше с Коляном бессмертное произведение — многосерийную поучительную сказку «Ешкин кот». Эта фантастико-аллегорическая книга о вкусной и здоровой пище для детей уже снискала одобрение двух маленьких «неедяк» — моего Масыни и Анкиной Тани. Слушая рассказы о приключениях смешного человечка Ешки и его прожорливого кота Филимона, мой сынишка раскрывал рот так широко, что мне без труда удавалось накормить ребенка и

первым, и вторым, и третьим. У Анюты результаты были еще лучше: они с Танюшкой договорились, что за каждую тарелку первого ей читают одну страницу книжки, и девочка стала просить добавки. Анну это привело в такой восторг, что она выразила желание оплатить издание нашей чудодейственной сказки за свой счет. Анята может себе это позволить, она не бедная леди, вернее — жена не бедного джентльмена.

— Не рассказывай мне, куда ехать, я сама вижу, — ворчливо сказала Анна и надолго засмотрелась на коммуникатор, пристроенный под ветровым стеклом ее «Тойоты».

Я покачала головой. Анкина манера доверять спутниковому навигатору больше, чем собственным глазам, мне совсем не нравилась. Я видела, что электронный подсказчик запаздывает с обновлением информации — это раз, и вовсе не учитывает реальную дорожно-транспортную ситуацию — это два. Пять минут назад на центральной улице наш автомобиль едва не протаранил гаишную «патрульку», изображения которой не было и не могло быть на дисплее компьютера. Пришлось мне открывать свое телевизионное удостоверение, а Анке — кошелек, и только после этого вредные дядьки-гаишники позволили нам продолжать движение. Мысленно я поклялась себе никогда больше не кататься с Анкой, чтобы не уехать раньше времени из нашего мира в столь притягательный для нее виртуальный.

— На дорогу смотри! — посоветовала я приятельнице.

— Я смотрю, — ответила она, продолжая упрямо пялиться на дисплей.

Лучше бы она меня послушалась!

— Тормози!!! — заорала я, краем глаза заметив темную тень, метнувшуюся нам наперерез.

Я увидела ее раньше, чем горе-водительница, не только потому, что не отвлекалась на дурацкий компьютерный мультик. У Анкиной «Тойоты» руль справа, а тень набежала слева, с моей стороны.

Это была какая-то чокнутая баба. Она уже почти пересекла пустой проспект, когда он внезапно перестал быть пустым: Анка, не сбавляя скорости, как раз вывернула из-за поворота.

То, что психопатка не попала под колеса, я склонна считать чудом. Ненормальной невероятно повезло: копуша Анюта на мой крик отреагировать не успела, но случайный булыжник чертовски кстати угодил под колесо «Тойоты», и автомобиль дернулся вправо без всякого участия водителя. Правым колесом машина взлетела на тротуар, очнувшаяся Анка выкрутила руль и в последнюю секунду увела «Тойоту» от столкновения с фонарным столбом. Машина вильнула влево, со скрежетом и визгом развернулась поперек дороги и встала как вкопанная.

— Дура ненормальная! — распахнув дверь, проорала Анюта психопатке, которая едва не погубила нас всех.

А эта идиотка даже не притормозила! Только незряче оглянулась на крик, продемонстрировав нам бледную, с запавшими глазницами физиономию в разводах косметики, добежала до тротуара и секунду спустя исчезла в темном переулке.

— Что это было? — пробормотала я, дрожащей рукой смахнув пот со лба.

Анка, опасно перекосившись и свесившись за борт «Тойоты», тупо тарасилась на пустую дорогу и молчала.

— И откуда только берутся такие люди?! — искренне вознегодовала я. — Алкашка чертова! Глаза залила — и бежит поперек проезжей части, прямоком с этого света на тот! Пьянь подзаборная!

— Думаешь, она алкашка? — слабым голосом спросила Аня.

Она наконец села, но дверцу закрывать не стала, вытащила из сумки сигареты и нервно закурила.

— А кто же? Растрепанная, как чучело, баба в распахнутом плаще, под плащом помятая ночнушка, на ногах тапочки, в кулаке полтинник, — я без труда составила словесный портрет незнакомки.

Хотя видела я ее какие-то доли секунды, но впечатления пережила незабываемые и запомнила эту особу на всю жизнь.

— Думаешь, куда она летит? На той стороне круглосуточный магазин, туда по ночам все страждущие района за «беленькой» и «красненькой» бегают.

— Не может быть, — пробормотала Анка, глубоко затянувшись дымом. — Ты-то откуда знаешь?

— Так Ванька Лобанов, к которому мы едем, как раз возле того магазина живет, — объяснила я. — И считает это соседство самым большим плюсом своего жилища! Художники — они в большинстве своем выпивку о-очень уважают, а Ванька — настоящий художник, почти гений. И точно, водку он жрет просто гениально. А магазинчик поэтически называет «Святилищем Бахуса» и бегаёт покло-

ниться своему кумиру всякий раз, когда у него находится лишний полтинник.

— Водка дороже стоит, — машинально возразила Анка.

— Хорошая — да, но тут райончик не элитный, местные поклонники Бахуса — народ простой, не переборчивый. Для постоянных клиентов в магазине особый ассортимент — самопальная водка от Семеныча.

— Какого Семеныча?!

Меня после пережитого потрясения как прорвало, я болтала и хихикала, словно умалишенная. Анка, наоборот, тупила: была мрачна и слова цедила скупю.

— Семеныч — это местная знаменитость, — охотно объяснила я. — Дед уже лет сто работает на зеркально-фурнитурной фабрике и баллонами тягает оттуда спирт. Уж не знаю, для каких зеркальных процессов он там применяется, но Семеныч всю жизнь стоит у источника. Спирт отличный, чистый медицинский, разводит он его хорошей питьевой водичкой, так что водка у Семеныча не хуже заводской получается. Разве что покрепче, чем сорокоградусная, тут дед систематически ошибается в пользу любителей крепких напитков. Но клиенты по этому поводу претензий не предъявляют, пьют и еще просят.

— Еще просят, — эхом повторила Анка, глядя в темный проем переулка.

— Ну что я тебе говорила? — проследив направление ее взгляда, торжествующе воскликнула я. — Вот она, красавица! Купила «беленькую» и обратно

бежит, опять торопится. Не иначе, на той стороне улицы ее собутыльники дожидаются.

Безответственная особа, по вине которой едва не случилось ДТП, опять летела, не глядя по сторонам, через проспект. Ее длинные спутанные волосы развевались по ветру, плащ хлопал за спиной, как тяжелое темное крыло, тапки звонко шлепали по босым пяткам. В правой руке бегуни поблескивало белое бутылочное стекло. На машину, опасно вставшую поперек дороги, нетерпеливая пьянчужка не обратила ни малейшего внимания.

Я дернулась, собираясь высунуться из машины и сказать идиотке все, что я о ней думаю, но Анка схватила меня за руку:

— Не надо, Лен! Сиди!

— Гуманистка! — пробурчала я, неохотно отказавшись от мысли озвучить пару-тройку слов из тех, что я использую крайне редко.

Тем временем бегунья, сжимающая водочную бутылку, как эстафетную палочку, потерялась в густой тени на другой стороне улицы.

— Ну? Чего стоим, кого ждем? — сердито спросила я Анку. — Мы когда-нибудь уберемся с перекрестка или ты все-таки настаиваешь на нашем участии в ДТП?

Приятельница молча завела машину, благоразумно перестала таращиться на компьютер, и мы без происшествий приехали к Ванькиному дому.

— Пойдем?

— погоди, — Анка угрюмо смотрела на светящуюся вывеску магазина с исчерпывающим названием «Еда и питье».

Вывеска моргала, через раз являя взору моди-

фицированное название «да питье». Это выглядело как одобрение пьянства.

— Ленчик, я хочу попросить тебя об одолжении, — сказала Анюта. — Я знаю, что у тебя дефицит свободного времени, но это дело по твоей части. Возьмешься за работу? Я хорошо заплачу.

— Да ладно тебе, Ань! Заплатит она! Я по знакомству бесплатно сделаю. Что тебе нужно? Текст написать, сюжетик снять или, может, рекламный ролик?

Приятельница помотала головой и пробубнила что-то вроде «бумажку вытащить».

— Что ты говоришь? Какую бумажку? — нахмурилась я. — Откуда вытащить?

— Да не бумажку! Машку! Найти ее и вытащить из болота!

— Ань, а ты меня ни с кем не путаешь? Я не в МЧС, а на телевидении работаю!

— Вот именно, — кивнула Анка. — Ты работаешь на телевидении и имеешь опыт ведения журналистских расследований. И пишешь детектив, я знаю!

Я поморщилась и подумала, что надо сделать строгий выговор Коляну. Кто еще мог разболтать, что я дерзнула пойти по стопам уважаемых мадам Кристи, Хмелевской и Марининой? Впрочем, я пока недалеко ушла, застряла на второй странице третьей главы. К этому моменту у меня напрочь закончились второстепенные персонажи, которых я неэкономно поубивала в первых двух главах. Роман обещал быть динамичным, сюжет закрутился головокружительный, но для выхода на следующий его виток я должна была сначала пополнить народона-

селение произведения. Между тем новых лиц я ни вокруг себя, ни в своем воображении не видела, а старые так надоели, что расселять их на страницах детектива не имело никакого смысла: ни один не дожил бы до конца третьей главы.

В такой ситуации разбрасываться свежими людьми не стоило, Анкина Маша тоже могла на что-то сгодиться.

— Ладно, — сдалась я. — Что за Маша?

— Маша — это Мария, — веско ответила Анюта.

Это, конечно, была бесценная и, главное, совершенно неожиданная информация.

— Она же Мери, Машуля, Машенция и Маше-рочка! — нетерпеливо гаркнула я. — Кто она такая, зачем тебе ее искать?

— Маша — моя лучшая и самая старая подруга.

— Насколько старая? — уточнила я.

Главным образом, потому, что очень старая подруга запросто могла найтись уже на том свете, а я не планировала заводить свое журналистское расследование так далеко.

— Мы с ней дружили еще в студенческие годы. Ой, как мы дружили! — Анка мечтательно улыбнулась. — Мы в общаге в одной комнате жили, вместе играли в вокально-инструментальном ансамбле и даже песни для него сочиняли. В походы ходили, с парашютом прыгали! Вообще неразлучны были, как сиамские близнецы, да многие нас и принимали за сестричек.

— Вы похожи? — Я искоса посмотрела на приятельницу.

Анка в свои сорок выглядит так, что легко сойдет за сестричку брюнеточки из «Виагры», однако я

обоснованно подозреваю, что от природы внешние данные у приятельницы были скромные. Над Анютой поработали и до сих пор продолжают трудиться не покладая рук косметологи, диетологи, тренеры и массажисты. Будучи богатой дамой, не занятой регулярной трудовой деятельностью, Анка располагает и деньгами, и свободным временем, которые щедро тратит на свою красоту. Правда, у нее двое детей, но семнадцатилетний старший в мамочкиной опеке давно не нуждается, а пятилетней младшей занимается няня. Впрочем, содержит всю семью не Анюта, а ее муж.

— Наверное, мы были похожи, — она посмотрела туда, куда убежала растрепанная пьянчужка, и неосознанно акцентировала глагол прошедшего времени. — Обе невысокие, стройные, темноволосые, скуластые, летом обязательно загорелые... Красились одинаково, потому что косметика у нас была общая, одевались из одного магазина. В те времена, ты помнишь, с тряпками было туго, так мы с Машкой по очереди в «Детском мире» дежурили, дожидаясь, пока там что-нибудь «выкинут», и брали все в двойном количестве.

— Поклонников тоже делили по-сестрински? — усмехнулась я, вспомнив собственную юность.

Мы с моей университетской подружкой Никой частенько знакомились с парнями по принципу «два на два» и тут же шептались, распределяя добычу: «Тебе блондин, а мне брюнет, идет?»

— Ага, — Анка тоже засмеялась, но тут же посерьезнела. — Но только пока я не встретила Митеньку.

Про Митеньку — Анкиного законного супру-

га — я знала мало, ибо познакомиться с ним толком не удосужилась. Митенька руководит собственной солидной фирмой и на этом основании представляется мне большим занудой.

— В общем, конец твоей дружбе с Машенькой положила любовь к Митеньке? — подытожила я.

— Что? — Анка перестала сосредоточенно пялиться в темноту. — Нет, что ты, мы еще долго дружили! Машка моего Сашку крестила, а я у нее на свадьбах свидетельницей была.

— На свадьбах? — я поняла, что Анюткина подружка тоже не засиделась в девках. — Сколько же их у нее было?

— Три, но два брака закончились разводом, а в третьем Машка овдовела. Она вообще ни с одним мужем больше полугода не прожила. Первый был жуткий бабник и ушел от нее к другой, второго она сама выгнала — за пьянство, а третий оказался наркоманом и загнулся в каком-то притоне. Машка никогда не умела правильно выбирать ухажеров, вечно ей какие-то поганцы доставались! Хорошо хоть, ни один из них ребеночком ее не наградил, так и осталась Машка свободной женщиной, безответственной и легкомысленной, как мотылек.

Последнюю фразу Анка произнесла как-то уж очень мрачно, словно наличие у женщины свободы при отсутствии ответственности было страшным злом, а не великим благом. Впрочем, я знала, что своих детей Аня очень любит и материнством не тяготится.

«А кто бы на ее месте тяготился? — тут же влез с вопросом мой внутренний голос. — У Анюты мамки, няньки и куча денег на удовлетворение всевоз-

можных детских потребностей, желаний и капризов!»

Тут я вспомнила, что целью нашей поездки было исполнение очередного каприза заботливой мамы Анки, и встрепенулась:

— Эй, так мы пойдем к нашему художнику или нет? Договаривались на восемь, а уже почти половина девятого. Ванька Лобанов, конечно, не король, чтобы баловать его безупречной монаршей точностью, но ближе к ночи он становится все менее вменяемым. Ванька просыпается к обеду и сразу же начинает восхвалять Бахуса!

— Пойдем, — кивнула Аня. — Только ты сначала скажи, найдешь мне Машку?

— Да как же я ее найду? — искренне удивилась я. — Ты же не дала никакой информации, кроме несущественных обрывков ностальгических воспоминаний! Что я знаю о твоей Маше? Что двадцать лет назад, во время учебы в Политехническом, это была развеселая деваха, белозубая, загорелая, невысокого роста с темными волосами! Наверняка с тех пор загар у нее сошел, зубы поредели, а волосы поседели, если вообще не выпали.

— Не выпали, — возразила Анка. — И не поседели, или же она их красит в черный цвет. И еще завивает.

— Откуда ты знаешь? — осеклась я.

— Так видела же! — Приятельница махнула рукой. — И ты видела, с волосами, во всяком случае, у Машки все в порядке. А вот со всем остальным... Ленка, она выглядит просто ужасно! Я уверена, что Машка снова вляпалась в какую-то жуткую историю!

— Машка? — Я посмотрела туда, куда махнула Анка, и наконец догадалась, что весь этот неуместный, как мне казалось, разговор возник вовсе не случайно. — Так это твоя подружка, что ли, была? Та самая Машка?! Вот эта жуткая бомжиха?!

— Не смотри на меня так, словно это я, теряя тапки, бегаю по ночам в водочный ларек! — обиделась Анюта. — Мы с Машкой больше года не виделись, и я понятия не имею, почему она так опустилась. Но я хочу это узнать! Как бы то ни было, это моя лучшая подруга, и я просто обязана попытаться ей помочь! Ты меня понимаешь?

Я представила, что бы я почувствовала, если бы на Анкином месте была я сама, а на месте жалкой пьянчужки Маши — моя лучшая и единственная подруга Ирка. Если бы это я катила по городу на собственной шикарной машине, а Ирка на своих двоих, обутых в стоптанные тапки, рысила в ларек за паленой водкой. Если бы у меня были упругие после недавней подтяжки свежие щечки и полные карманы денег, а у нее — черные круги под глазами и мятый полтинник в кулаке. Если бы меня дома ждали благополучные детки и безупречный занудамуж, а ее — компания алкашей и тунеядцев. Подумала я обо всем этом и честно сказала:

— Нет, Анка, я тебя не понимаю! Почему ты не спохватилась раньше? Почему не интересовалась судьбой лучшей подруги целый год?

— Думаешь, уже поздно? — совсем расстроилась она.

— Попробуем что-нибудь сделать, — сказала я.

Эти мои слова были равносильны согласию взяться за детективное расследование. Анюта пове-

селела, мы наконец вылезли из машины и пошли в гости к художнику. Я в отличие от Анки пребывала не в лучшем настроении. Ясно было, что я подрядилась на работу, которая может оказаться настоящим геморроем и при этом не принесет никакой пользы. Денег я с Анюты по дружбе не возьму, но и адаптировать ее Машу в свой богатый опасными приключениями детектив не смогу — судя по всему, бедной Маше и в реальной жизни не сладко приходится.

Я чувствовала себя похвально гуманной и благородной идиоткой.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

— Чего это ты идиотка? Ничего ты не идиотка! — приговаривала Ирка, сноровисто выворачивая карманы мужних штанов, отправляемых в стирку. — И Анка не дура, что придумала нанять тебя, как частного детектива! Я уверена, у тебя получится, ведь ты уже не один тугой клубочек распутала. Сколько убийств раскрыла!

— Больше, чем хотелось бы, — пробормотала я, непроизвольно поежившись. — Кстати, Анка свою подружку хотела бы найти живой!

— А вот мне все равно, живой или мертвой! Мертвой даже лучше, наверное! — непонятно заявила Ирка.

Она безжалостно скомкала брюки, яростно затолкала их в открытый иллюминатор стиральной машины и взялась за рубашку.

Тут я заподозрила что-то неладное. Моя обычно благодушная подружка явно пребывала в рас-

трепаных чувствах. Проверив карманы Моржиковой рубашки, она взялась за носки, причем не просто вывернула их, но еще и заглянула внутрь каждого.

— Ирка, в чем дело? — спросила я удивленно. — Твой муж завел старомодную привычку хранить деньги в чулке?

— Да, он завел! — сердито ответила Ирка и метнула тщательно досмотренный носок в стиралку. — Дрянь!

Я не поняла, к носку или к его хозяину относится ругательное слово, а Ирка не спешила с объяснениями. Она ткнула в кнопку запуска так решительно, словно включала не стиралку, а электрический стул, после чего скрестила руки на груди и с самым мрачным выражением лица уставилась на коловращение тряпок за стеклянным люком.

Ярких цветовых пятен там не наблюдалось, Ирка стирала исключительно светлые летние одежды, поэтому зрелище было не настолько интересное, чтобы увлечься им надолго. Тем не менее моя подружка застыла подобием памятника Пушкину, созерцающему современную российскую действительность с горестным неудовольствием. Поэтому минуты через две я не выдержала и прямо спросила:

— Ирусик, что случилось?

Она перестала тарашиться на стиралку, посмотрела на меня, скривила губы и плаксиво сказала:

— По-моему, Моржик мне изменяет.

— Да с чего ты взяла?! — искренне изумилась я.

Иркин супруг Сержик, которого все близкие называют Моржиком, предпоследний человек, которого я заподозрила бы в супружеской измене (последним был бы мой собственный муж). Мы с Ир-

кой всегда считали, что с благоверными нам повезло почти так же, как им с нами, и очень этому радовались.

Теперь, однако, на румяной физиономии подруги никакой радости не читалось.

— Сейчас я тебе кое-что покажу, и ты убедишься, что Моржик пошел налево, — пообещала Ирка и сняла с полки кухонного шкафчика богато иллюстрированную кулинарную книгу «Еврейская мамочка».

Пока я озадаченно искала мистическую связь между кошерной пищей и левизной в супружестве, подруга раскрыла поварской талмуд, вытащила вложенную в него тетрадку и забормотала, перелистывая страницы:

— Творожная запеканка с черносливом, не то... Кисель по-министерски... Вот! Зайчик!

— Лучше домашний кролик, зайцы воняют, — доброжелательно подсказала я.

— Это я читаю тебе эсэмэску, которую списала с мобильного Моржика! — поморщившись, объяснила Ирка. — Вот, слушай: «Зайчик, двадцать ноль-ноль, юность, приготовь морковку». И что, по-твоему, это значит?

Я крепко задумалась. Ирка, сурово сведя брови галочкой, терпеливо ждала ответа.

— Ну двадцать ноль-ноль — это, понятно, время, — протянула я.

— Время встречи, — уверенно кивнула Ирка. — Место встречи не названо, из чего я заключаю, что оно моему неверному мужу и так известно. Видимо, он бывал там уже не единожды.

— Даже если и так, не понимаю, почему ты сра-

зу ведешь речь о супружеской неверности! — возразила я. — Моржик...

— Его называют зайчиком и просят приготовить к условленному свиданию морковку! — оборвав меня, горько усмехнулась Ирка. — Думаешь, я начисто лишена фантазии? Думаешь, я не догадываюсь, какими подвигами ознаменована жизнь среднестатистического половозрелого зайчика? Тем более его юность? Да я тысячу раз видела эмблему «Плейбоя» и слышала выражение «плодятся как кролики»!

— А объяснения Моржика ты услышать не пыталась? — спросила я. — Спросила бы его как законная зайчиха, куда твой резвый зайчик бегает по вечерам с морковкой наготове?

— Спросить — и спугнуть? — возмущенно фыркнула Ирка. — Чтобы мой зайчик начал петлять и путать следы? Нет уж! Я предпочитаю сама во всем разобраться!

— Сама? — Меня посетило нехорошее предчувствие.

— С твоей помощью, конечно! — подтвердила мои худшие подозрения Ирка.

Я застонала:

— Совести у вас нет: и у тебя, и у Анки!

— У нас не совести, у нас дедуктивного мышления нет, — сказала подружка, откровенно стараясь мне польстить. — Зато у Анки есть деньги, а у меня время...

Она посмотрела на красочный календарь «Традиционные праздники русских крестьян» и добавила:

— До конца недели.

— «До пятницы я совершенно свободен!» — съязвила я.

— До субботы, — поправила Ирка, снова посмотрев на календарь.

Я взглянула туда же и узнала, что в субботу будет День защиты живой природы. Точно, это Иркин профессиональный праздник, они с Моржином держат торговую сеть «Наше семья», снабжают кубанских аграриев высококачественным посевным материалом.

— Хочешь, я на время стану твоим доктором Ватсоном? — предложила подружка.

— Да какой из тебя доктор! Ты даже горчичники лепить не умеешь, — отмахнулась я. — И Ватсон из тебя никакущий, потому что ты своенравна и абсолютно чужда англосаксонской невозмутимости.

— Зато я машину хорошо вожу! — с намеком сказала Ирка. — А тебе ведь понадобится собственный транспорт? Ты же не захочешь ловить наемные кабриолеты, как Шерлок Холмс, потому как тоже не обладаешь англосаксонским спокойствием!

— И лишними деньгами тоже не обладаю, — вспомнила я.

Это соображение решило дело.

Итак, я взяла на себя моральное обязательство найти куда-то пропавшую старую подругу Анки — раз, и невесть откуда взявшуюся новую подругу Иркиного мужа — два. В свою очередь, Анята вызвалась снабдить меня деньгами на расходы, а Ирка — обеспечить транспортом. Оставалось придумать, где взять время на детективную деятельность, но тут мне на помощь пришел Его Величество Случай.

Коммерческому директору телекомпании, в ко-

торой я работаю, удалось осуществить вековую мечту всего нашего трудового коллектива — заманить в число клиентов фирму, согласную расплатиться за наши рекламно-информационные услуги своими ремонтно-строительными. Для начала решено было в массовом порядке заменить трухлявые деревянные окна на пластиковые, и наш директор Гадюкин немедленно отправил всех сотрудников в принудительный недельный отпуск без содержания. Вот об этом-то никто из нас не мечтал! В штатном расписании телекомпании Рокфеллеры и Онассисы не числятся, подавляющее большинство моих коллег, как и я сама, живет от зарплаты до зарплаты.

— Теперь ты просто вынуждена принять мое предложение! — радовалась Анка, торопливо потроша бумажник.

Из толстого портмоне на пол сыпались купюры, с которыми избалованная младшенькая Анюты играла, как с сухой листвой, на что семнадцатилетний старший смотрел с недовольством. Наверное, парень думал, что мог бы распорядиться этими деньжками лучше, чем его мамочка и сестричка.

— Ладно, сыщицкий гонорар можешь не брать, но твой недельный журналистский заработок я компенсирую, это будет справедливо, — заявила Анка.

Я уже не возражала. Гадская выходка жадюги Гадюкина не оставила мне выбора.

— Это судьба! — сказала Ирка и с намеком забренчала ключами в кармане.

Ей не терпелось пуститься по следу своего неверного зайчика.

Начало охоты мы назначили на утро нерабочего для меня понедельника.

Для разнообразия я предполагала объявить это самое утро открытым часиков в десять, не раньше, и думала начать хождение по детективным мукам с посещения кондитерской. Там мы с подружкой, мужественно преодолевая страх утратить стройность фигур, слопали бы по паре-тройке пирожных, запили бы их молочным коктейлем и между прочим составили бы черновой планчик ближайших сыщицких дел. Подчеркиваю: это была программа-минимум, из кондитерской мы с Иркочкой вполне могли совершить марш-бросок через модные лавки в ресторанчик и уже там за первым-вторым-третьим доработать проект в деталях.

К сожалению, этот прекрасный план пришлось изменить.

Ирка позвонила мне вечером. Мы с малышом как раз смотрели фильм про Буратино. На экране кот и лиса, ряженые разбойниками, безжалостно трясли деревянного мальчишку, некультурно называя его паршивцем и настойчиво допытываясь, куда он дел четыре золотых. Масяня хмуро смотрел на это фискальное безобразие и все чаще недобро поглядывал на кота Филимона, имеющего большое портретное сходство с толстомордым Базилио. Я предвидела, что бедняге Филимону предстоит сполна ответить за грехи киношного собрата, и заранее жалела кота. Он переехал к нам всего на три недели, на время тотального ремонта в квартире соседки, и еще не успел привыкнуть к тому, что сразу после утренней побудки Масяня принудительно вовлекает его в подвижную игру «Охота на тигра». Роль тигра почетна, но беспокойна — в процессе

охоты Маша задействует весь арсенал своего игрушечного оружия. Отчасти благодаря этому, отчасти из-за того, что толстый кот убегает от преследования недостаточно быстро, Машина охота неизменно проходит удачно. «Тигра» всегда удается завалить, и остаток дня он лежит на ковре в состоянии, среднем между глубоким обмороком и летаргическим сном.

— Не обижай Филю! — предупредила я Машу, встав с дивана, чтобы подойти к телефону.

— А это не слепой кот? — с надеждой спросил ребенок, склоняясь над спящим зверем.

— Слепой, глухой, немой и парализованный! — хмыкнула я.

— Дзи-и-инь! — нетерпеливо повторил свой призыв телефонный аппарат.

— Иду! — я сняла трубку. — Да!

— Крекс-пекс-фекс! — командным голосом гаркнул Машенья в шерстистое кошачье ухо.

Волшебные слова чудесным образом оживили полумертвого карликового тигра. Он высоко подскочил и понесся в кухню, цокая когтями в беге по прямой и скрежеща ими на поворотах.

— Держи его! — восторженно завопил маленький разбойник и побежал следом.

Я вовремя распласталась по стеночке, пропустила мимо себя кавалькаду и повторила в трубку:

— Алло, я слушаю вас!

— У-у-у-у! — из динамика послышалось жалобное завывание. — А-а-а!

— Добавьте согласных, — попросила я, настроенно прислушиваясь к происходящему в кухне.

Там с грохотом упала деревянная табуретка, слышался радостный визг и что-то разбилось.